
Э. МАЛЭК

**Жанровые и композиционные модификации
переводной беллетристики (назидательные новеллы
из «Повести о семи мудрецах» и фацеции)**

«Повесть о семи мудрецах», переведенная в начале XVII в. с польского языка, сохранилась в большом количестве списков XVII—XX вв. По мнению исследователей, она распадается на несколько редакций,¹ причем в большинстве случаев редакционная обработка не разрушала ее композиции и не затрагивала идейной направленности сборника. Но в начале XVIII в. появились попытки нового прочтения новелл, рассказанных мудрецами и цесаревной. Нам удалось выявить два таких случая. Знаменательно, что как в первом, так и во втором случае новеллы, рассказанные мудрецами и женой цесаря, включаются в сборники, основное ядро которых составляют фацеции. Решение освободить повести от рамочного рассказа связано с попыткой придать новеллам полную сюжетную самостоятельность. В первом случае выбранные новеллы включаются в тематические циклы, в которых наряду с фацециями появляются также переделки повестей из «Римских деяний» и даже из «Великого зеркала», а вся редакция получает наименование «Книга, нарицаемая жарты». В одном из списков сохранилось пространное объяснение, из которого узнаем, что «в ней же положены суть повести смехотворныя, прежде переведены быша с полскаго языка, но не таким расположением, яко же ныне в великороссийском языке, собраны от многих книг удивительных повести, во оных же суть и смехотворныя, ини же приличныя ко обучению злаго разума человеков» (РНБ, собр. А. А. Титова, № 4182, л. 1). В самом полном списке «Книги, нарицаемой жарты» (РНБ, Q.XV.97) в составе мини-цикла повестей «о женах и хитростях их» читаются три новеллы из «Повести о семи мудрецах». Под № 62 помещена новелла «О короле, иже жену свою своими руками выдал замуж»² (восходившая к «Притче седмой цесаревы о некоем крале, како ему к себе приимшу рыцаря и отдаде за него кравлеву свою пирования ради

¹ Характеристику редакций и список литературы вопроса см. в статье: *Азволинская (Казовская) И. Д., Каган М. Д.* Повесть о семи мудрецах // *Словарь книжников*. Вып. 3, ч. 3. С. 183—187.

² Повесть опубликована в кн.: *Malek E.* «Неполезное чтение» в России XVII—XVIII веков. Warszawa; Łódź, 1992. S. 90—94.

своею неумностию»), под № 64 — новелла «О жене, изгубившей трех воинов цесарских» (восходящая к «Притче шестаго мудреца Калеофаса о трех рыцарях»), а под № 70 — новелла «О жене, иже над мертвым телом мужа поругание сотвори» (восходящая к «Притче седьмой Ицыхима мудреца о некоем рыцаре и о жене его»). Помимо них в этом мини-цикле читаются между прочим популярные фацеции «Ксандры флоренския издевка над мужем и к слуге милость» (№ 63) и «Како две жены мужей своих из разума вывели и обманули» (№ 66), а также переделки новелл из «Римских деяний».³ И каждая из новелл, заимствованных из «Повести о семи мудрецах», получает стихотворную концовку-виршик.

В другом случае новеллы из «Повести о семи мудрецах» особой редакцией⁴ тоже включены в сборник, в котором читаются фацеции, однако на этот раз они не разведены по тематическим группам, а присоединены к фацециям в виде компактного блока текстов и объединены с ними общей нумерацией: открывают сборник фацеции (№ 1—51), а новеллы из «Повести о семи мудрецах» его завершают (№ 52—63).⁵ В дефектном списке-конволюте ИРЛИ, собр. Перетца № 213 (первая тетрадь),⁶ которым мы располагали, начало рукописи (фацеции № 1—начало № 33) не сохранилось, но ее полное содержание можно восстановить по оглавлению.

«Повесть о семи мудрецах», в отличие от «Фацеций польских», принадлежит к числу произведений с ярко выраженной назидательностью. Ядро дидактизма «Повести о семи мудрецах» «заключено, — как справедливо отмечает А. В. Архангельская, — прежде всего в толкованиях рассказываемых новелл. Все события новеллистических сюжетов оказываются непосредственно связанными с главными героями сюжета рамочного. Каждый из повествователей по окончании рассказа обращается к цесарю с вопросом, сформулированным по-разному, но имеющим один и тот же смысл: “Разумеешь ли государю цесарю, еже ти поведлах?”».⁷ Но автор редакции Р и автор «Книги, нарицаемой жарты», осознали, что новеллы, рассказываемые мудрецами и цесаревной, могут оказаться интересными сами по себе, мало того, они, видимо, поняли, что многие из них созвучны фацециям,

³ Тексты этой редакции новелл из «Римских деяний» опубликованы в: Ромодановская Е. К. Римские деяния на Руси: Вопросы текстологии и русификации: Исследование и издание текстов. М., 2009. С. 821—844. Там же (с. 95—102) характеризуются сюжетные изменения прикладов, вошедших в «Книгу, нарицаемую жарты». Ср. также: Малэк Э. Разыскания по русской литературе XVII—XVIII вв.: Забытые и малоизученные произведения. СПб., 2008. С. 50—61.

⁴ Мы назвали ее редакцией Р. Ср.: Малэк Э. Неизученные редакции «Повести о семи мудрецах» (в печати).

⁵ Часть из них опубликована. Ср.: Malek E. Указатель сюжетов русской нарративной литературы XVII—XVIII вв. Łódź, 2000. Т. 1. С. 206—209, 262—263, 323—325, 356—361.

⁶ Эта тетрадь переписана на бумаге с гербом Амстердама, которую С. А. Клепиков датирует 1720 г. Ср.: Клепиков С. А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М., 1959. № 1162.

⁷ Архангельская А. В. Дидактическое начало в переводных сборниках XVII века // Acta Philologica: Филологические записки / Под ред. Е. Г. Домогацкой, А. И. Журавлевой и др. Т. 1. М., 2007. С. 96—107. Цит. по: <http://istina.msu.ru/publications/article/1252628/>.

и чтобы сборники могли восприниматься читателями как однородные по жанровому признаку, решили каждую из новелл снабдить новыми заглавиями и заключительными виршиками, наподобие тех, которые присоединялись к большинству фацевий. Общая нумерация произведений сборников и унификация заголовочно-финального комплекса это единство еще усиливала.

За этими внешними показателями шли куда более серьезные модификации текста «Повести о семи мудрецах». Редакторам пришлось полностью отбросить не только рамочный сюжет, но также все следы присутствия персонафицированного рассказчика (мудрецов, цесаревны) и адресата (цесаря) рассказываемых новелл, какие то и дело в них встречались. Так, например, в «Повести о говорливой сороке» из Перетцовского сборника, восходившей к притче третьего мудреца Ката «о некоем госте и о птице, глаголемой сороке», выпадает обращение мудреца к цесарю и сравнение жены героя новеллы с цесаревной, а также заключительный диалог мудреца с цесарем. Чтобы показать, как работал анонимный редактор, сопоставим начало и конец притчи мудреца Ката в редакции С по списку начала XVII в. (РНБ, ф. 550, О.ХV.2), опубликованному И. Казовской,⁸ и списку конца XVII в. (РГБ, ф. 310, № 946) с «Повестью о говорливой сороке».

**Повесть 3 мудреца Ката
о некоем госте и о птице,
глаголемой сороке,
и о жене**

Мудрец же, восприим, рече: «Слыши убо, о преславный господарю цысарю, бысть некий гость, имея у себя жену вельми красну. Да у него же бе птица, глаголемая сорока, глагола жидовским языком, сказывая ему, что ся без него дома ни творит, или что от кого слышит, то все господарю своему исповесть, он же ее за то вельми любляше. Жена же его при нем верьстою зело млада, аки господарыня наша цесарева пред тобою. Гость же той не часто спаше с своею женою, но не возможе ее утешити вожделение похоти старости ради своя, и сего ради жена его возненавиде его и им гордети нача. Приучи же к себе

**Третья повесть Ката
мудреца о некоем
торговом человеке**

Бысть некий человек торговой, имея у себя жену вельми красну, да у него же была птица, глаголемая сорока, глаголаше жидовским языком, сказывая ему гостю всю истинну, что ся без него дома творит или что от кого слышит, то все господарю своему исповесть, он же ея за то вельми любляше, жена же его при нем верстою зело млада, аки государыни наша цысаревна пред тобою. Господин той не часто спаше с своею женою, невозможно утешати вожделение похоти ея старости ради своя. И сего ради жена его возненавиде его и нача им гордети. Прилучи же себе греховнаго ради хотения своего и возжеления плотскаго некоего юношу,

**Повесть
о говорливой сороке**

Бысть некий купец в некоем граде имея у себя говорящую сороку, того ради возлюблю ю. Научи же ся жидовским языком говорити, яко человек, и что в дому своем видела и слышала, всегда господину своему сказывала. Той же купец имея у себя младую жену и красну вельми, яже не любляше мужа своего тоя ради вины, яко не ревнителен бяше к похоти телесней. И возгордевши жена мужем своим, и нача любити любимника некоего.

⁸ Повесть о семи мудрецах / Подгот. текста, коммент. И. Д. Казовской // БЛДР. СПб., 2006. Т. 15: XVII век. Далее сокращенно — Каз. с указанием соответствующей страницы публикации в тексте.

греховнаго ради хотения своего и возжеления плотъскаго некоего юношу, лепа и юна суца, могуца скверное ея похотное желание исполнити и любодейства возжеление утолити и пламень ярости и несытъства блуднаго угасити. И нача с ним чюжеложъствовати и несытною его любовию любити» (Каз., с. 190)

И нача вопити и тужити неутешно: «О беда ми, что сотворих, лсти не разумех, убих верную свою сороку для слова жены свояя!» И пад, и имение свое все розда нищим, сам же дошед во Святую гору и бысть мних».

И сия рек, мудрец возгласи: «Разумееш ли, господарю мой, яже поведях ти?» Цысарь же рече: «Добре разумех, да не умрет сын мой!» (Каз., с. 187–188)

лепа и юна суца, могуца скверное ея похотение исполнити и любодейства возжеление утолити, и нача с ним чюжеложъствовати и несбытною любовию любити его (л. 26 об.)

И нача вопити и тужити неутешно: «О беда ми, что сотворих, лести не уразумел, убил верную свою сороку, убил сороку напрасно для слова жены свояя!» И прода имение свое все, и раздал нищим, сам иде в Святую гору и бысть мних.

Сия рек мудрец, возгласи: «Разумееш ли, государю, яже поведях ти?» Цысарь же рече: «Добре разумех, да не умрет сын мой!» (л. 29 об. — 30)

Он же, слышав то, и нача вопити великим гласом, глаголющи: «Горе мне лишеному, яко оболсти мя жена. Для лживых словес жены свояя убив аз такую сороку!» И продав все имение свое, иде во Святую гору и не возвратися к жене своей, а имение свое все раздав нищим.

Злы жены пребывают в незаконной сласти, / А мужей своих вводят тем в многий напасти.

Сравнение показывает, что автор «Повести о говорливой сороке» не ограничился модификацией заголовочно-финального комплекса притчи. Он также убрал или сильно смягчил те фрагменты повествования, в которых рассказчик оценивает поведение купеческой жены как проявление греховной похоти. В его обработке поступки жены описываются как следствие «слабости» мужа и в тексте новеллы не оцениваются с точки зрения христианской морали и как бы отводятся на второй план. Создается впечатление, что автора этой редакции больше занимает заглавная «говорливая сорока» и ее напрасная смерть, чем взаимоотношения супругов. Заключительный виршик формулирует некую житейскую мудрость, а не поучение.

Эта тенденция проявляется также в пересказах других новелл из «Повести о семи мудрецах». Сошлемся еще на один пример. Сопоставим начало и конец «Повести о старом муже и о жене его младей» с соответствующими фрагментами повести второго мудреца по Каз. и по списку РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1773 (90-е гг. XVII в.).

**Притча 2 мудреца
Лентелеуса к цысарю
о младей жене**

Бысть не в коем граде рыцарь стар сый, на старость поня себе жену велми крас-

**Повесть втораго мудреца
о старом рыцаре
и о младей жене**

Не в коем граде был рыцарь дороден и храбр, а годами стар. И понял за себя на

**Повесть о старом муже
и о жене его младей**

В некотором граде был рыцарь старый и понял себе младую жену, и замыкал он

ну. Обычай же имеяше: егда внидет к ней спати, тогда ложню свою замыкаше, ключи же под возглавие себе кладяше. Ея же не можате утешати старости ради своея, и егда усыпаше, и се жена его ключи крадяше и исхожда же к некоему младу юноше. Совершаше с ним свое хотение, утеху от него принимаше и, приходя от юноши, паки ложню замыкаше и ключи под возглавие кладяше, а сама за ним ложашеся (Каз., с. 185)

Тогда зазвониша в колокол, и узреша рыцаря стражи на улице и поимаша его и рекоша ему: «Что твориши, нощию по улицам ходиши, а веси грацкия заповеди и уставы?» Рыцарева же жена нача сторожем на мужа своего жалобу творити и лукавья словеса на него аки працею метати: «О господине мои, Бог сведый тайная сердца челоука, той весть, яко идох за него девою и непорочною. Сий же старец девъство мое разоря, и не спит со мною, ходит всегда по блядем, и се вы его зрите нынеча, идуща от бляди по улице, но поимете его и ведите к судьям, да исполнят над ним закон грацкий».

Стражие же емше его и в суд ведоша. Рыцарева же жена иде за ним к судьям и иска пред судьями на нем девъства своего, а слася на сторожей. Судьи же грацкия осудиша неповиннаго на смерть и по уставу грацкому велеша его казнити, а дом и имение его все отдаша жене его. Жена же его со всем тем поиде за своего рачителя, с ним же чужеложъствова.

старость себе жену младу и красну велми. И как поидет с нею спать, и он замыкал дом свои сам, а ключи клал под голову у себя. И не мог тот стары рыцар молодья жены утешити, жена же его велми не любила и спод голов ключи всегда крала и к любовнику ночью ходила. И приходила от любовника, ключи клала опять под головы, а сама ложилас за него спати (Пог., 1773, л. 111)

И рекоша ему: «Рыцарю! как ты ходишь ночью чрез заповедь градцкую?» Пания же его рече сторожам: «Милы сторожи! Будите вы мне на него послухи. Коли я за него шла замуж, и он со мною старой не сыпал, а ходит по блядем. Всегда аз его не хотела обличити градцкому суду, а ныне отдам. Возмите его и поставите утре (на пруде) пред судьями» (Пог., 1773, л. 114)

И по градцкому суду осудиша его на пруде казнити смертию, и казниша. И та пания пошла замуж за своего любовника со всем имением своим (Пог., 1773, л. 114—115)

дом свой, как поидет,⁹ а ключи клал под головы. Жена же его всегда у него ключи крала и ходила к милшему.

Потом же стражие хожду околу домов и нашедше мужа ея, стояща на улице, и рекоша ему: «Недоброе есть время, что ты zde стоиши». Жена же его слышав глас стражей и рече им: «О милые стражи, помозите! Весте, чия есмь дочь, а сей старец по всякую ночь сквернит мое ложе, а ходит к любовникам своим, а аз жадаю его покоя и не хотела объяви(ти) греха его, но ничтоже могла учинити своим молчанием. Для Бога, возмите его и исполните уставы грацкия».

Стражие же вземше мужа того и всадиша в темницу, а наутрие поставиша его на суде и предаша его злой смерти.

⁹ Здесь явный пропуск слов «с нею спать», затемняющий мысль первоисточника. В настоящее время трудно сказать, появилась ли эта ошибка в автографе редакции или только в данном списке.

И сия рек, мудрец возгласи: «О цысарю, разумеши ли, еже изрекох ти, да невозможно есть убо и всем женам верити» (Каз., с. 188)

И рече мудрец: «Милостивый цысарю! Разумеши ли, что я тебе повесть сию сказал?» (Пог., 1773, л. 115)

Жены млада не любят престарелых мужей, /
Но отбегают от них к зле стране и чужей.

Здесь стоит обратить внимание на полную элиминацию или сокращение замедляющих действие характеристик героини. Редактор, видимо, пришел к выводу, что противопоставление старого мужа молодой жене и ее уход к любовнику не требуют пространных объяснений. Он даже не считает необходимым говорить о ее красоте. Кстати, его сословная принадлежность тоже не играет никакой роли,¹⁰ так как все внимание сосредоточивается на своеобразном состязании старого мужа с молодой женой, из которого она выходит победительницей. В начале повести муж, открывший измену, придумывает способ наказать неверную руками городских стражей, которые, соблюдая «градские уставы», следили за гражданами, проводившими ночное время на улице. Он ждет ее возвращения, а когда жена пытается открыть ворота, начинает ее обличать и угрожает предать в руки стражей. Но жена грозит броситься в колодец и в доказательство правдивости своих слов кидает в него большой камень. Когда рыцарь услышал, что в «колодезе вода зашумела», то «сжалился сердцем» и побежал спасать жену, надеясь, что она больше грешить не будет. Опустив в колодец веревку, кличет жену, но не услышав ответа, приходит к выводу, что она на самом деле утонула, и горько сожалеет, что своим неразумным поведением погубил ее, вместо того чтобы наставлять и учить ее дома. Жена тем временем спокойно входит в дом и запирает ворота. Муж слишком поздно понимает обман и когда возвращается, чтобы выместить злобу на жене, она не пускает его в дом, осыпает упреками в измене и предает в руки стражей. Повествование доводится только до момента развязки, т. е. до поимки и казни старого мужа. Поэтому автор «Повести о старом муже и о жене его младей» опускает ту часть притчи второго мудреца, в которой рассказывалось, что жена получает все имение мужа и выходит замуж за своего любовника. Эта информация, как и обращение мудреца к цесарю, оказалась лишней с точки зрения логики развертывания сюжета.¹¹

И таким образом назидательная новелла превратилась под пером анонимного автора в занимательный и забавный рассказ о том, как, благодаря хитрости одного из героев и недальновидности другого, явное прелюбодеяние осталось не наказанным, а мнимое было «раскрыто» и наказано. Заключительный виршик лишь констатирует житейскую правду: такое, мол,

¹⁰ Русский книжник начала XVIII в. очень хорошо понимал, что фация и смехотворная новелла, на которые он ориентировался, отбирают из жизненного материала сугубо бытовые коллизии, что в них речь идет о человеке вообще, «независимо от его происхождения и вероисповедания, имущественного положения или профессии». Ср.: Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / Отв. ред. Я. С. Лурье. Л., 1970. С. 548.

¹¹ Кстати, подобным образом поступает редактор с третьей новеллой цесаревны на сюжет «Отец и сын грабят царскую казну», которую он переименовал в «Повесть о некоем муже и о сыне его». Подробнее об этой обработке см. в: Малэж Э. Неизученные редакции «Повести о семи мудрецах» (в печати).

случается. Читатели сборника Перетца могли сопоставить помеченную номером 53 «Повесть о старом муже и о жене его младей» с новеллами № 49: «Касандры флоренския издевка над мужем и к слуге милость» или № 51: «Како две жены мужей своих из разума вывели и обманули», а также с фацецией «О гражданине упивающемся и о жене его», разрабатывающей тот же сюжет, на что составитель этого интереснейшего сборника несомненно рассчитывал.

Подобные сюжетные и идейные изменения наблюдаем во всех двенадцати новеллах, включенных в сборник из собрания Перетца. Отсутствие титульного листа (в рукописи, как мы упоминали, не сохранились также тексты первых 32 фацеций) не позволяет восстановить заглавие, из которого, как из пространного заглавия «Книги, нарицаемой жарты», можно было бы узнать больше о самом авторе и о его творческой установке. Не исключено, что со временем найдутся другие списки этой интереснейшей редакции «Повести о семи мудрецах», которые помогут сказать больше о редакторе и о рецепции его сборника.

Подводя итог нашему беглому обзору, можно сказать, что в начале XVIII в. появились книжники, которые разглядели в «Повести о семи мудрецах» не назидание, а прежде всего занимательные сюжеты, и обработали притчи мудрецов и цесаревны со свойственным новелле и фацеции лаконизмом. Свое отношение к поведению персонажей выразили в заключительных виршиках, напоминающих басенную мораль, и вынесли его за пределы текста новелл. Они несомненно ориентировались на жанр фацеции, а отделяя новеллы от рамочного сюжета, как бы возвращали притчам «Повести о семи мудрецах» черты «первичных жанров».